

Что мы переживаем (помимо вируса).

(По следам «Восстания масс» Ортеги-и-Гассета. 1930 г.)

- я псих, - говорит, - да нет ты средний,
средний обычный цвет кожи летний,
в очереди не первый и не последний

- я тупой, - нет, ты обычный умный,
в большинстве, отдельно о себе не думай,
сложишь в уме - будешь доволен суммой

- я дурак, - нет, ты простой обыватель,
обывателя не мыслил Создатель,
Он мыслил мозг, ты как будто для мозга
шпатель

- я молчу, - нет, говоришь, голосуешь,
мнение свое никуда не засунешь,
вокруг ни души, а ты все равно плюнешь

- сам дурак, - к сожалению, да, дурак,
уходил от таких, как ты, от уличных
драк,
не знал, как надо, зато ты теперь знаешь
как.

Людмила Херсонская

Государство

Представление о государстве сильно искажено. В основе его лежит воля заурядной, но богатой и могущественной части большинства, которая, пользуясь традиционной формой государственного управления – но на самом деле не управляя – осуществляет идеалы посредственности.

Возможно этим определяется популярное недоверие к власти – интуитивное ощущение её неадекватности, не находящее себе разумного объяснения. Этот гнев адресован не по назначению, он направлен на невидимую часть большинства, которая прячется в тени государственной власти и таким образом оставляет себе возможность уйти от ответственности, возложив вину на формально существующую власть.

Это довольно новая форма власти, которая до сих пор не стеснялась своей господствующей силой.

При нормальном общественном порядке масса – это те, кто не выступает активно. В этом ее предназначение. Она появилась на свет, чтобы кто-то влиял на нее, – направлял, представлял, организовывал – вплоть до того момента, когда она перестанет быть массой или, по крайней мере, захочет этого. Можно спорить о том, из кого состоит меньшинство; но кто бы это ни был, без него бытие человечества утратило бы самую ценную, самую существенную свою долю.

Человек – хочет он этого или нет – самой природой своей призван искать высший авторитет. Если он находит его сам, он – избранный; если нет, он – человек массы и нуждается в руководстве. Оправдание руководства заключается в том, что «высший авторитет» – это не власть силы, и он одинаково значим и повелителен и для массы, и для избранного ею руководства.

Общественное мнение

Сила общественного мнения не утопическое мечтание, а настоящая реальность, действующая постоянно в жизни общества. Но бывает и так, что никакого общественного мнения нет. Общество разбито на противоборствующие группы, и существуют лишь противоположные взгляды.

Сейчас как раз именно эта ситуация. И вопреки внешнему представлению, нынешняя «условная» власть держится не благодаря поддерживающей её части общества, а как раз благодаря отсутствию общего мнения, расколу. Этот раскол и является главной целью власти, потому что, в отсутствие единой противостоящей силы, он позволяет ей оставаться на месте и безнаказанно нарушать свои обязательства даже по отношению к собственным избирателям.

Но природа не выносит пустоты, и пустое место, возникшее за отсутствием общественного мнения, займет грубая сила. И это является сейчас самой опасной угрозой – в результате власть может оказаться захваченной, вопреки желанию обеих сторон, третьей силой, что приведёт к последствиям плачевным для обеих. Пока продолжается раскол, это лишь вопрос времени.

Когда общественное мнение отсутствует, единственной ещё действующей силой остаётся лишь влияние.

У большинства людей мнения нет, их надо им снабдить. Проблема в том, что любая идея, даже успешно внушённая извне, останется лишь поверхностным и временным убеждением, пока не найдёт себе опоры в личном сознании. Только тогда оно сможет стать основой для действующего общественного мнения. Поэтому необходимо, чтобы хоть какой-то дух сохранял жизненную силу и пользовался любой возможностью, предлагая разумное мнение тем, у кого его нет, то есть большинству людей.

Но в ситуации, когда творческое меньшинство лишено и власти, и влияния, изменить течение событий, по-видимому уже невозможно. Предыдущая историческая функция этого меньшинства оказалась исчерпанной созданием основ для теории прав человека и индустриальной революции. В какой-то мере дальнейшее развитие зависит от новой его роли, которую оно всё ещё продолжает искать. А тем временем человечеству предстоит испытания, которые должны жестоким образом образумить заурядное большинство, вернув его к осознанию своего естественного места в обществе и своих возможностей.

Не странно ли, что при всей её плотности и численности, масса не желает терпеть рядом с собой тех, кто к ней не принадлежит? Но эта враждебность заурядного большинства в немалой мере диктуется интуитивным, необоснованным и иррациональным страхом перед внутренней духовной силой меньшинства. И сознавая это, меньшинству следовало бы находить в этом поддержку и уверенность в себе. Не для того, чтобы этот страх использовать, а как доказательство правоты и вселенского могущества истины, которое не может ускользнуть и от заблудившегося заурядного сознания, даже если оно

не отдаёт себе в этом отчета. Этот страх необходимо всеми средствами снимать, а не подтверждать и усиливать прямыми обвинениями.

Ещё одна надежда на податливость заурядного сознания к новым идеям заключается во врождённой психологической особенности человека. Судьба того, кто отказывается быть тем, чем он призван быть – снижение, деградация жизни. Но его подлинное естество не умирает; оно становится тенью, призраком совести, который постоянно напоминает ему о его значении, заставляет его чувствовать свою вину и показывает его падение. Он – выживший самоубийца.

При этом, человек массы не слушает доводов разума и учится только на собственном опыте.

«Сейчас жизнь американца – это длинная серия невыплачиваемых долгов. Она начинается в детстве с «долга за ланч», затем становится долгом за обучение в колледже, превращается в задолженность по кредитным карточкам и закладной на дом и завершается в старости медицинскими долгами. В результате, к концу 2010-х годов средний американец умирает задолжав. И что ещё хуже – он оказывается в долгу у чрезвычайно малочисленного класса сверхбогатых... Человек, рождающийся и умирающий в долгах эквивалентен крестьянину или слуге – он никогда ничем не владеет и не приобретает собственности. Слуги не бывают счастливыми людьми и общество, состоящее из слуг не стабильно». (Umar Naque)

Таким образом, объективно большинство вынуждено будет вернуться к своему прежнему, естественному состоянию и роли в обществе. Ему остаётся лишь осознать своё нынешнее положение.

Либерализм

Либерализм – тот политический правовой принцип, согласно которому общественная власть, несмотря на свое всемогущество, сама себя ограничивает и старается, даже в ущерб своим интересам, предоставить в государстве, которым она управляет, место и тем, кто думает и чувствует иначе, чем она сама, т. е. иначе, чем большинство. Это политическая форма, проявляющая максимум воли к совместной жизни, к общественности.

Невероятно, что человечество могло создать такой удивительный аппарат, такую парадоксальную, утонченную, замысловатую, неестественную систему. Но опыт оказался слишком сложным и трудным, чтобы укорениться на нашей земле, и сейчас то же самое человечество готово от него отказаться.

Несмотря на справедливую критику либерализма, его внутренняя правда неуязвима, ибо это правда не теоретическая, не научная, не рассудочная; она совсем другой природы и ей принадлежит решающее слово: это правда судьбы.

Конечно, либерализм XIX века требует развития. Но этого не может сделать тот, кто объявляет себя антилибералом. Антилибералами или не-либералами люди были до либерализма. Либерализм – позже антилиберализма и оказался сильнее, он должен победить и в этот раз., подобно тому, как в ружье больше «оружия», чем в копье. В каждом «анти» нет никакого положительного содержания, ничего нового; это пустое отрицание, возвращение к тому, что было до отрицаемого.

Но требование свободы в отношении к прошлому – это ясно осознанный долг каждой критической эпохи. Защищать либерализм XIX века против масс, которые на него

беспощадно нападают, не значит отказываться от свободы высказывания против этого самого либерализма. К сожалению уже такая мыслительная операция слишком сложна для заурядного человека массы.

История

У прошлого есть своя правда. Если ее не признают, она возвращается и требует признания. У либерализма, как и у капитализма, была своя правда, и ее надо признать на веки вечные. Но оба были правы не во всем, и то, в чем они были неправы, надо изъять и устранить.

Возможно, новая творческая задача состоит в том, чтобы найти органическое единство либерализма и технологически развитой экономики.

Уже Ортега-и-Гассет готов был назвать гениальным того политического деятеля, который первыми же своими реформами свел бы с ума профессоров истории, показав им на деле, как все «законы» их науки теряют силу, рассыпаются вдребезги и обращаются в прах. Однако, людей, способных решать эти проблемы, становится все меньше. Дело не в недостатке средств, дело в недостатке голов.

Подлинно образованных людей гораздо меньше, чем, например, в 1750 г. И даже вращающие «ворота науки», не в состоянии обеспечить подлинный ее прогресс. Для этого необходимо время от времени регулировать ее развитие, производить реконструкцию, перегруппировку, что требует особых способностей. Ньютон мог ещё построить свою теорию физики без особых познаний в философии, Эйнштейн уже должен был хорошо знать Канта и Маха, чтобы прийти к своим выводам. Они освободили ум Эйнштейна, расчистили ему дорогу к открытиям.

Жутко становится, когда слышишь, как сравнительно образованные люди рассуждают на повседневные темы. Словно крестьяне, которые заскорузлыми пальцами пытаются взять со стола иголку, они подходят к политическим и социальным вопросам сегодняшнего дня с тем самым запасом идей и методов, какие применялись 200 лет назад для решения вопросов, в 200 раз более простых.

Цивилизация не дана нам готовой, сама себя она не поддержит. Она продукт сложного творчества и требует художника, мастера.

Для уяснения разницы между истинно творческим решением и решением заурядным, которое не становится открытием и не свидетельствует о культуре, есть несколько примеров из самого недавнего прошлого.

Выход, который был найден у самых истоков нынешнего времени – создание системы материального благополучия для решающего большинства – оказался бесплодным, бесперспективным и потенциально опасным.

Начиная с V столетия вплоть до 1800 г. население Европы никогда не превышало 180 миллионов; но с 1800 до 1914 оно возросло до 460 миллионов. Справиться с дезорганизующей потенциальностью неожиданно осовободившегося от забот большинства пришлось, подвергнув его воздействию экономического механизма массового производства и потребления, создав ложные ценности, и начав всё в большей степени удовлетворять низменные потребности этого большинства, повышая его, так называемый уровень жизни.

Но не следует смешивать прирост и даже обилие благ с чрезмерным избытком их. В XIX веке жизнь становилась все легче, и этим объясняется поразительный её подъем – и

количественный, и качественный. Однако, настал момент, когда цивилизованный мир стал по сравнению с потребностями среднего человека чрезмерно изобильным и богатым. В конце концов, благополучие и безопасность, созданные прогрессом, испортили заурядного человека, внушив ему самоуверенность, порочную и одуряющую.

Две новые политические системы – большевизм и фашизм – представляли собой два ярких примера существенного регресса – не столько по содержанию их теорий, которые сами по себе включали часть истины, сколько по антиисторизму, анахронизму, с которыми они к этой истине относились. Эти движения, типичные для человека массы, направлялись и управлялись людьми посредственными, с короткой памятью, без исторического чутья.

(Нацистская идея о расширении границ, например, в глубокой основе своей была исторической необходимостью. Существовало несоответствие между огромными возможностями Европы и той формой политической структуры, в рамках которой она вынуждена была действовать. Жизненный импульс, энергия, необходимые для разрешения насущных проблем, были стеснены узкими перегородками, которые разделяли материк на мелкие государства. Но будчи во-время не осмыслена Европой, она оказалась по своему истолкованной и использованной Германией в разрушительных целях).

«Коммунист 1917 года производит революцию, тождественную тем, какие уже бывали, ни в малой мере не улучшая их, не исправляя ошибок. Поэтому все происходящее в России не представляет исторического интереса, это не переход к новой жизни. Наоборот, это монотонное повторение прошлого, трафарет, революционный шаблон, и до такой степени, что нет ни одного шаблонного изречения о революциях, которое не нашло бы печального подтверждения: «Революция пожирает собственных детей», «Революцию начинают умеренные, продолжают крайние, завершает реставрация» и т. д. К этим почтенным изречениям можно было бы присоединить еще несколько менее популярных, хотя и столь же вероятных, например: революция длится не более 15 лет – творческого периода одного поколения». (Ортега-и-Гассет).

Опыт

Чрезмерное изобилие жизненных благ и возможностей автоматически ведет к созданию уродливых порочных форм жизни, к появлению особых людей-выродков; один из частных случаев такого типа – «аристократ», другой – избалованный ребенок, третий, самый законченный и радикальный – современный человек массы.

Все, что делает человек массы, он делает неискренне, «не навсегда», как балованный сынок. Разоблачает его поспешность, с которой он при каждом случае принимает трагическую, роковую позу. Он играет в трагедию именно потому, что не верит в реальность подлинной трагедии, которая действительно разыгрывается на сцене цивилизованного мира.

Удивительно, как многие типичные для «аристократа» черты проявляются в наклонностях современного человека. Например, склонность делать из игры и спорта главное занятие в жизни; культ тела; щегольство в одежде; отсутствие рыцарства в отношении к женщине; флирт с «интеллектуалами» и художниками при внутреннем пренебрежении к ним; предпочтение абсолютной власти перед либеральным режимом.

Сложность в том, что человека массы нельзя в этом убедить. Это способна, по видимому, сделать только катастрофа – достаточно крупная, чтобы некого было в ней

винить. Тогда может возникнуть потребность в поиске не организационного, а разумного авторитета.

Поиск и назначение виновного – единственное средство авторитарного правления (Национализм и расизм – в сущности, разновидности этого средства. Всё дело в акцентах – либо ты менее достоин, чем я, либо я по достоинству выше тебя), и пока катастрофа не слишком велика, и остаётся возможность такого виновного найти, угроза авторитаризма неминуема.

Ещё раз – государство

Город начинается с пустого места – площадь, рынок, форум в Риме, агора в Греции; все остальное – лишь придаток, необходимый, чтобы ограничить эту пустоту. Город не возник, подобно хижине или дому, чтобы укрыться от непогоды растить детей и для прочих личных и семейных дел. Город предназначен для вершения дел общественных. Так был создан вид пространства, более новый, чем открытый впоследствии Эйнштейном.

Для человеческого бытия открывается новое измерение, несводимое к тем, что даны природою, и сближают человека с животным. И в своем стремлении к нему те, что были до сих пор только «людьми», напрягают все свои силы, чтобы стать гражданами. «Город» с самого начала возникает как государство.

Творческая жизнь – жизнь напряженная, она возможна лишь в одном из двух положений: либо человек правит сам, либо он живет в мире, которым правит тот, за кем это право всеми признано. Если нет ни того, ни другого, необходимо оставлять за собой возможность «править самому» хотя бы в пределах своей собственной жизни. Уход из мира – часть мира, как дверь – часть комнаты.

Возможно фундаментальная смена представлений произойдет в неожиданной форме, и человек массы не сможет предупредить ее, потому что, даже наблюдая её, он не в состоянии будет разглядеть её содержание и значение.

Возможно продолжающаяся биологическая эволюция исподволь готовит новые внутренние возможности человека, которые снабдят его неведомой прежде прозорливостью.

Всё это никак не отменяет и даже не ослабляет для нас необходимости самим продолжать поиск решений. – это, в конце концов, и есть эволюционные усилия человеческой природы.

«Кто боится преувеличений, должен молчать; более того, он не должен думать, и обречен на идиотизм». (Ортега-и-Гассет).

Пандемия. Редчайший шанс

Но вот внезапно открылась возможность, которую история предоставляет весьма редко. И, как всегда, мы вольны не воспользоваться ею.

«Эффективность масштаба» (scalability) – эта излюбленная стратегия Большого бизнеса – доказала свою силу, но неожиданным образом обратилась против самого бизнеса.

Первым подтверждением стал сознательный и добровольный массовый карантин, который сократил смертность с предполагаемых 2-х миллионов до 70 тысяч. Но ведь это нужно ещё узнать и осмыслить, и задержавшись на этом, развить свою мысль дальше: а

что ещё мы можем сделать? И прежде всего – увидеть наконец враждебную силу в стремлении Большого бизнеса вернуть нас к исходной точке.

Мы стоим на пороге широкой кампании психологического манипулирования, основанного на стремлении людей освободиться от тяжести карантина. Существенной частью этой кампании будет стирание памяти о только что пережитом, как будто это было чьей-то выдумкой, преувеличением. В глубокой основе её лежит страх Большого бизнеса перед обнаружившейся во время пандемии эфемерности его силы и власти. Оказалось, что всё его магическое могущество и вездесущность могут быть уничтожены за неделю простым единством людей, отсутствующих на улицах и отказавшихся от избыточного потребления. Как ни оскудела их жизнь по сравнению с привычными излишествами, она не остановилась. А в местах особого напряжения – на переднем крае борьбы с вирусом даже приобрела непривычный размах, экзистенциальную остроту и смысл.

Что же представляет собой эта враждебная сила? Это те, кто стремится вновь овладеть нашими желаниями, и они себя скоро обнаружат – уже обнаруживают в спешном стремлении отменить ограничения, не считаясь с опасностью новых человеческих потерь.

Почему так трудно обнаружить причину искажений в социальной политике и главную движущую силу этих искажений? Тщательно организованная иллюзия. Источник уродливого положения вещей – Большой бизнес и его корпоративная идеология – психологически неразрывно слит в сознании людей с их образом жизни, его надёжностью и стабильностью. Эта иллюзия автоматически включает сигнал тревоги и опасности, как только возникает малейший критический намёк в отношении корпоративной культуры. Она же, в свою очередь, с помощью своих рекламных и иных пропагандистских средств раздувает чувство такой опасности, успешно притворяясь, что отстаивает народные интересы.

Неожиданная перспектива, открывшаяся в связи с пандемией, на время оставила эту иллюзию в стороне и обнаружила более глубокие, истинные движущие силы истории. Теперь нужно удержать эту перспективу, которая даёт возможность отыскать новые пути развития и новые отношения общества, экономических производительных сил и власти.

Настоящая опасность для Большого бизнеса – не сокращение производства, в чём его представители стараются нас убедить, а осознание населением своего могущества и весьма относительной ценности избыточного благополучия.

Тот, кто найдёт способ окончательно разоблачить иллюзию и разорвать эту связь безудержного производства и потребления с благополучием, станет поистине спасителем нации. Возможно, и всего человечества.